

НАДИН НОЙЗИ

ИСТИННАЯ ПАРА
ДЛЯ ЛОРДА-ДРАКОНА

Надин Нойзи

Истинная пара

для лорда-дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73513158

SelfPub; 2026

Аннотация

Я – попаданка с Земли в магический мир, старая дева 35 лет без надежды на семью и счастье. Я давно уже поставила крест на своей личной жизни, решила, что буду жить в одиночестве. И думала так до тех пор, пока ко мне не приехал кузен с семьей и близким другом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Надин Нойзи Истинная пара для лорда-дракона

Глава 1

Сад встретил меня запахом прелой листвы и молодой зелени – этот удивительный, щемящий коктейль из тления и рождения, от которого всегда немного кружится голова. Земля после вчерашнего ливня еще не просохла, и подошвы моих мягких туфель из оленьей кожи чуть вязли в тропинке, оставляя темные влажные следы, которые тут же начинали поблескивать на солнце. Я нарочно выбрала эту узкую дорожку, что вилась вдоль старой кирпичной стены, увитой прошлогодним плющом, где солнце пробивалось сквозь только что распутившуюся листву яблонь не цельным потоком, а рваными золотыми заплатками, лоскутным одеялом из света и тени.

Мне было тридцать пять. Я шла медленно, почти бездумно задевая ладонью влажные, еще не просохшие ветки кустов, и на пальцы, на тонкое запястье осыпалась мелкая, ледяная роса, заставляя кожу на мгновение сжиматься. Воздух стоял густой, терпкий – его можно было пить, как настойку,

с горчинкой только что проклюнувшейся крапивы, пряным духом смородинового листа и приторной, тяжеловатой сладостью первых распустившихся нарциссов, что росли беспорядочной куртиной у стены. Где-то далеко за спиной, в доме, уже звякали посудой, накрывая завтрак в малой столовой, горничная Лиззи, наверное, уже обыскалась меня, заглядывая в библиотеку и зимний сад, но я строго-настрого велела не беспокоить. Мне нужно было это утро. Как воздух. Это небо, вымытое дождем до бледной, прозрачной голубизны, до хрустального звона. Эта тишина, в которой каждый звук – шаги, дыхание, шелест листа – становился оглушительно важным.

Я остановилась у старой чугунной скамьи, что стояла в самом дальнем, диком углу сада, откуда сквозь поредевшие кроны виднелась черепичная крыша моей конюшни и, далеко-далеко, тонкий, как игла, шпиль столичного Собора Четырех Ветров. Села, поправляя тяжелые юбки своего серого утреннего платья, и подставила лицо неяркому, еще совсем не греющему солнцу. Графиня Эльза горт Торкен. Собственный дом в пригороде, с конюшней и выездом, не нуждающийся в деньгах родовой замок в горах, где в залах гуляют сквозняки, полная лояльность столичного света и эта самая полная, абсолютная, выстраданная годами свобода. Я могла делать все, что захочу. Уехать завтра на юг, к морю, закрыться в библиотеке на месяц с книгами, принять у себя опального поэта или пренебречь визитом самого посла. И

что? Все это у меня было.

Мысли текли медленно, вязко, как этот плотный весенний воздух. Я смотрела, как на мокрой земле у моих ног суетится муравей, тащит какую-то былинку, спотыкается, падает, но упрямо лезет вперед. У него есть цель. Я думала о том, что скоро, через неделю-другую, белым-бело зацветут вишни, и сад станет похож на сказку, на день чьей-то невесты, на пену от кружев. В прошлом году я сидела здесь же, на этой скамье, и смотрела на этот невесомый, падающий снег из лепестков, и мне было удивительно хорошо и спокойно. Я думала: вот она, благодать. А в этом году спокойствия не было и в помине. Была тихая, вязкая грусть, которая пришла неизвестно откуда – может быть, с этим запахом прелых листьев, с этой утренней сыростью – и устроилась в груди, под самым сердцем, теплым, ноющим комком.

У меня не было мужа. Не было детей, которые сейчас бегали бы по этим мокрым дорожкам, шлепая по лужам своими маленькими башмачками, смеясь и, наверное, отряхивая на меня воду с веток. Не было и, кажется, уже не будет. Я слишком долго была разборчива, слишком долго, как драгоценную вазу, оберегала свой покой и возможность читать по ночам, ни перед кем не отчитываясь, никому не принадлежа. А теперь покой стал слишком... пустым. Слишком гулким.

Я смотрела на свои руки, спокойно лежащие на темной ткани платья. Руки красивые, белые, с длинными пальцами, ухоженные – гордость моего маникюра. И совершенно голые.

Никогда не было кольца. Ни обручального, ни даже простого колечка, подаренного влюбленным юношей. Я могла бы выйти замуж лет в двадцать, за соседа по поместью, славного такого, простого, как три копейки, молодого человека с рыжими усами и круглыми, чистыми, как у теленка, глазами. Он смотрел на меня с обожанием, дарил полевые цветы и звал гулять к реке. Но мне, воспитанной на балладах и романах, казалось, что впереди, за горизонтом, ждет что-то огромное, всепоглощающее, настоящая любовь, от которой захватывает дух и ради которой бросают все. Любовь не пришла. А он, мой рыжий сосед, женился на другой, на дочке лесничего – простой, румяной, хохотушке. И у них уже трое. Я видела их на ярмарке прошлой осенью – она, полная, раздумянившаяся от мороза и сидра, держала за руку младшего, карапуза в огромном вязаном колпаке, а он нес на плечах старшего мальчишку, который колотил его пятками по груди и визжал от восторга. И счастье было не в красивых словах, а в их суете, в их громких, перебивающих друг друга голосах, в том, как она, смеясь, поправляла ему сползающий с шеи толстый шарф. В том, как она на него смотрела. Без надрыва. Просто как на своего.

Вот этого у меня не было. И не будет. Эта мысль стукнула в виске, острая, как зубная боль, и отдала куда-то в грудь.

Я вздохнула глубоко, до самого дна легких, и подняла глаза к небу. По нему, лениво потягиваясь, плыли редкие белые облака, такие же безмятежные, какой я должна была бы быть.

Мысль о том, что поздно, что возраст уже не тот, а проклятая гордость, въевшаяся в кровь, не позволяет искать встреч, пришла ко мне не впервые за эту весну. Но сегодня она не колола, не ранила, как заноза, а просто лежала где-то внизу живота тяжелым, теплым, почти физически ощутимым камнем. Мне не к кому было спешить. Меня никто не ждал в доме с нетерпением, никто не выглядывал в окно, высматривая мое серое платье среди яблонь. Вечером, как всегда, я зажгу свечи в своей гостиной, и они будут гореть ровным, холодным светом только для меня. Для одной.

Где-то в густых ветвях сирени, еще не цветущей, надо мной заливалась птица – звонко, радостно, захлебываясь, словно дразня весну, дразня меня своим незнанием ни одиночества, ни времени. Я слушала ее и чувствовала, как к горлу подкатывает ком, а на глаза наворачиваются слезы. Не от горя, нет – от странной, щемящей смеси нежности к этому прекрасному миру, который так щедр на красоту, и острой, бабьей жалости к себе, молодой еще, но уже никому не нужной. Я вытерла их кончиками пальцев – соленые, теплые – и через силу улыбнулась. Глупая. Дурочка. Все у тебя есть. Дом, сад, титул, это утро, эта птица.

Но в глубине души, там, где тепло, где должен гореть огонь, я знала, что это неправда. Потому что самое главное, самое простое и земное – быть кому-то нужной, быть чьим-то домом и покоем – у меня отобрало время. Или я сама, своими руками, от него отказалась, заботливо подстригая жизнь

под красивую, но бесплодную декорацию.

Тишину разрезал звук. С налившейся влагой ветки яблони сорвалась крупная, тяжелая капля и упала мне на тыльную сторону ладони. Холодная, как ключевая вода в июльский зной. Я замерла, боясь пошевелиться, глядя на то, как дрожит этот прозрачный, чистый шарик на моей коже, вбирая в себя отблески солнца и зелень листвы, а потом медленно, нехотя срывается и стекает вниз, к запястью, оставляя влажный, холодеющий след. Так же незаметно и неостановимо утекает жизнь.

Я глубоко вздохнула, прогоняя остатки слабости, твердо провела ладонью по влажному следу, словно стирая его вместе с мыслями, поднялась со скамьи, оправила юбки и медленно, с ровной спиной, направилась к дому, откуда уже доносился слабый запах свежих булочек и горячего шоколада. Сад остался за спиной, со своей влажной свежестью, с птицей, со слезами и моими невеселыми мыслями, которые я решила оставить там же, под старыми яблонями, пусть идут в рост вместе с травой.

Дом встретил меня теплом и привычной, чуть тяжеловатой роскошью. После утренней свежести сада здесь все казалось приглушенным, устоявшимся, как старая мебель. В прихожей пахло воском, которым натирали паркет, и сухими травами – полыню и лавандой, – которые горничные рассыпали по углам от моли, заворачивая в полотняные мешочки. Стены здесь были обшиты темным дубом, потемневшим

от времени до цвета крепкого чая, а на полу лежал тяжелый персидский ковер с потускневшим, но все еще красивым узором, который приглушал шаги, делал их вязкими и неслышными. Я провела рукой по полированной поверхности консольного столика красного дерева – дерево ответило гладкостью и холодком – и замедлила шаг, услышав приближающиеся шаги дворецкого. Торопливые? Нет, для Крампа это было невозможно. Но какие-то другие. Более живые, что ли.

Крамп, старый слуга, служивший еще моему отцу, появился из-за угла бесшумно, как тень, как призрак, который вдруг решил напомнить о себе. Его седая голова с аккуратным пробором была почтительно склонена, но в глазах, выцветших, но все еще зорких, читалось что-то... необычное. Какое-то оживление, искорка, которой я не замечала за ним в последние месяцы. Даже морщинки вокруг его губ, кажется, собрались по-другому.

– Ваша светлость, – начал он своим ровным, чуть скрипучим голосом, который всегда напоминал мне шорох старого пергамента. – Позвольте сообщить. Прибыл магический вестник.

Я остановилась и вопросительно подняла бровь. Вестники приходили нечасто – обычно счета от портных или бакалейщиков, официальные приглашения во дворец на очередной скучнейший раут, которые вполне могли подождать до завтрака. Но Крамп держал в руке небольшой пергаментный

свиток так, будто это был хрупкий цветок, – перевязанный тонкой серебряной нитью, которая еще слабо искрилась, потрескивая в тишине прихожей, словно в ней билась крошечная жизнь.

Крамп протянул мне свиток с легким поклоном. Я взяла его в руки – пергамент был теплым, магия всегда оставляет после себя это странное, живое тепло – сломала печать с гербом нашего рода: горный пик и ветка терновника – и развернула.

Письмо было от кузена. От Маркуса.

Я пробежала глазами по знакомому, немного небрежному, летящему почерку с забавными завитушками на заглавных буквах и почувствовала, как внутри, в самой груди, что-то дрогнуло, сжалось, а потом вдруг ожило, забилось быстрее. Завтра. Они приезжают завтра. Маркус с женой Элинор и всеми тремя детьми. Пишет, что дела призывают его в столицу на пару недель – какая-то тяжба с опекунами над имением дальней родственницы, скука смертная, но деваться некуда, – а останавливаться в городском доме они не хотят: там шумно, пыльно, вечно гремят экипажи под окнами, а детям нужен воздух, зелень, простор. Не соглашусь ли я принять их? Ненадолго, всего на несколько дней, пока он не уладит самые срочные дела. Элинор шлет поклон и обещает собственноручно испечь свои знаменитые булочки с корицей, если на кухне найдется мука.

Я перечитала письмо еще раз, пробегая пальцами по

неровным строчкам, и на губах сама собой появилась улыбка – теплая, неожиданная, от которой вдруг защипало в уголках глаз. Маркус. Мы не виделись почти год. Он был младше меня на пять лет, но всегда, с самого детства, относился ко мне с какой-то трогательной, почти рыцарской заботой, словно это я, старшая, нуждалась в защите, а не он. Помню, как он, десятилетний мальчишка, серьезно наказывал мне не ходить одной в лес, потому что там водятся волки. Его Элинор – тихая, милая, уютная женщина с пухлыми руками, вечно испачканными в муке, потому что она обожала возиться с выпечкой назло всем аристократическим обычаям, считавшим такое занятие плебейским. И дети... Я попыталась вспомнить их лица, но они расплывались, менялись, как на старых, выцветших дагерротипах. Старшему, Рчарду, кажется, уже восемь, он обещал стать копией отца – такой же вихрастый, серьезный не по годам и смешной в своей взрослости. Две девочки, погодки, Анна и маленькая Грета, с мамиными голубыми глазами и светлыми кудряшками, которые вечно лезут им в лица.

Я подняла взгляд на Крампа, который терпеливо ждал, застыв у дверей, как статуя терпения и преданности.

– Наши едут, Крамп, – сказала я, и голос мой прозвучал непривычно живо, звонко, почти по-девушечьи. – Завтра. Семья кузена Маркуса.

На лице дворецкого ничего не дрогнуло – годы вышколенной службы сделали свое дело, – но я знала его доста-

точно хорошо, почти двадцать лет, чтобы заметить неуловимое: уголки губ чуть приподнялись, исчезла обычная скорбная складка у рта, а спина, и без того прямая, выпрямилась еще больше, если это вообще было возможно для человека его возраста. В глазах мелькнуло и погасло что-то похожее на довольство.

– Осмелюсь спросить, на сколько дней? – Его голос остался ровным, но я уловила в нем нотку деловой готовности.

– На несколько. Может, на неделю. – Я задумалась, прикидывая, сколько комнат нужно будет подготовить, сколько белья достать из сундуков, сколько свечей заказать. – Детская давно пустует. Стыд просто. Велите проветрить, протопить как следует, проверить постели – не завелось ли чего в матрасах. И проследите, чтобы в комнате Элинор поставили цветы, много цветов, она это любит до безумия. И скажите на кухне... – я запнулась, пытаюсь вспомнить, что едят дети в этом возрасте. Каша? Мясо? Булочки? – Пусть приготовят что-нибудь легкое, но сытное. Куриный бульон, например. И сладкое. Обязательно сладкое. Пирог с яблоками, тот самый, с корицей, что умеет делать Марта. И молоко, побольше свежего молока.

Крамп слегка поклонился, принимая распоряжения к сведению, к исполнению, в самую глубину своей феноменальной памяти.

– Будет исполнено, ваша светлость. Я распоряжусь немедленно. – Он помедлил секунду, словно раздумывая, не нару-

шит ли приличия, если скажет еще что-то, и добавил чуть тише: – Это прекрасная новость. Дому давно не хватало молодых голосов.

Он удалился своей бесшумной, скользящей походкой, не производя ни звука, ни шороха, а я осталась стоять посреди прихожей, все еще сжимая в руке письмо, чувствуя пальцами тепло, которое магия уже почти оставила. Тишина дома больше не давила на уши, не обволакивала, как вата. Она наполнилась ожиданием, движением, предчувствием жизни. Где-то в глубине коридора уже слышалась приглушенная возня – Крамп, верный своему слову, уже отдавал первые распоряжения, и дом начинал просыпаться, потягиваться, готовиться.

Я представила, как завтра в этой самой прихожей будет шумно, как экипаж загрохочет по гравию подъездной аллеи, как детские голоса – звонкие, пронзительные, счастливые – разнесут эхо по всем углам, по всем этим чопорным, пустым комнатам. Как Маркус будет с порога требовать чаю, горячего и покрепче, а Элинор – извиняться за беспокойство краснея и тут же предлагать помочь с устройством, хлопотать, суетиться, наполняя дом своим уютным, домашним теплом. Представила, как мы сядем вечером у камина в малой гостиной, и я буду слушать их новости, их смех, их негромкие споры о том, кто разбил чашку и кому первому мыть голову. Простая, обычная, живая жизнь.

Хотя бы на несколько дней я забуду о своей тихой, вязкой

скуке. Хотя бы на несколько дней этот большой, красивый дом перестанет быть просто дорогой, безупречно чистой, но совершенно пустой коробкой, в которой эхо шагов звучит как упрек.

Я поднесла письмо к губам и легко, едва касаясь, коснулась его края. От пергамента все еще пахло магией – озоном и легкой горчинкой, – но сквозь этот запах мне чудился другой: запах детских кудрей, корицы, домашнего тепла.

– Спасибо, Маркус, – шепнула я тихо, в пустоту прихожей, и мой голос прозвучал непривычно мягко, почти нежно. – Ты даже не представляешь, как вовремя.

И пошла наверх, чтобы лично посмотреть, все ли готово в гостевых комнатах. Дела нашлись, и от этого на душе стало легко и почти празднично.

Глава 2

Я ступила на лестницу, и широкие дубовые ступени привычно заскрипели под ногами – этот тихий, жалобный звук я успела полюбить за два года. Два года. Неужели прошло всего два года? Мне казалось, я прожила здесь целую жизнь, вращая корнями в этот дом, в этот сад, в это медленное течение времени, хотя иногда, в такие вот тихие утренние часы, когда дом еще дышит сном, а солнце только начинает золотить верхушки деревьев, память безжалостно вытаскивала наружу кусочки другой реальности. Той, которая осталась где-то там, за гранью, за тонкой, почти прозрачной пленкой, отделяющей явь от сна.

На Земле меня звали Алина Паринская. Тридцать пять лет, менеджер в крупной юридической фирме, бесконечные договоры, встречи, дедлайны, кофе навынос в пластиковых стаканчиках, от которых вечно пахло горелой пластмассой, и серое, низкое небо над головой, которое не менялось месяцами. Я вспомнила свой офис – стеклянные перегородки, создающие иллюзию прозрачности и открытости, но на самом деле лишь подчеркивающие, что каждый здесь сам за себя, гул голосов, похожий на жужжание встревоженного улья, вечно мигающий экран монитора, от которого к вечеру начинали болеть глаза, и кнопку кофемашины с облупившейся краской, которую я нажимала раз по десять на день.

Хорошая была работа, денежная, престижная, мать бы мной гордилась. Только вот души в ней не было. Как и во всей моей жизни, если честно признаться самой себе.

Родители погибли, когда мне было восемнадцать. Авария. Гололед, встречная фура, и через секунду – тишина на том конце провода, когда мне позвонили из больницы. Я тогда только поступила в университет, радовалась, строила планы, и мир рухнул в одно мгновение, осыпался стеклянной крошкой, порезав руки, порезав душу так глубоко, что шрамы не зажили до сих пор. Дальше была борьба – за выживание, за место под солнцем, за крошечную двухкомнатную квартиру в спальном районе, которую удалось отстоять у дальних родственников, внезапно объявившихся на похоронах и смотревших на меня голодными глазами. Я выучилась, выбилась в люди, научилась улыбаться нужным людям и говорить правильные вещи на совещаниях. Но так и не научилась жить. Просто существовала. Работа-дом-работа. Редкие встречи с подругами, которые давно уже обзавелись семьями, детьми, ипотеками и смотрели на меня со смесью жалости и тайного превосходства. Еще более редкие романы, ничем не заканчивающиеся, потому что я не умела открываться, боялась, доверять, пускать кого-то внутрь, в эту хрупкую, огороженную крепость. Я боялась, что снова потеряю. Что снова останусь одна в телефонной трубке слушать гудки.

Я остановилась на лестничном пролете, где на стене висел старый, выцветший гобелен с охотничьими сценами – всад-

ники в камзолах прошлого века, собаки, затравленный олень с огромными печальными глазами – и провела пальцами по выцветшим, потерявшим яркость нитям. Шерсть была мягкой, чуть ворсистой, хранящей тепло многих зим. Вспомнила тот вечер. Я сидела в своей съемной квартире на двадцать третьем этаже, за окном мигал огнями ночной город, где-то внизу неумолчно гудела трасса, а я пила остывший чай из любимой кружки с отбитой ручкой и листала ленту новостей, скользя взглядом по заголовкам, которые не задерживались в памяти дольше секунды. Обычный вечер. Обычная усталость. А потом – удар в виске, острый, как молния, вспышка света перед глазами, и ничего. Пустота. Тишина. А потом – голоса, чужие, незнакомые, запах воска и сухих трав, и чье-то лицо надо мной, склоненное в тревоге.

Очнулась уже здесь. В этом теле. В этой постели под балдахин, с тяжелыми бархатными одеялами, от которых пахло лавандой. С чужими воспоминаниями, которые нахлынули волной, затопили, едва не свели с ума. С ворохом титулов, обязательств, имен и лиц, о которых я не имела ни малейшего понятия. Слуги, которые знали меня всю жизнь. Дом, который помнил мои детские шаги. Чужая жизнь, которую мне предстояло прожить.

Сначала было страшно. До дрожи в руках, до липкого пота на спине, до панического желания забиться в угол и закрыть глаза, чтобы исчезнуть, вернуться обратно в свою скучную, безопасную квартиру. Но Эльза горт Торкен оказа-

лась... удобной. Удивительно, но ее жизнь была до жути похожа на мою – та же тишина по вечерам, то же одиночество в большой, холодной постели, те же бессонные ночи с книгой в руках. Только вместо офиса – сад, вместо кофе навынос – неспешные завтраки в пустой столовой под присмотром почтительного Крампа, вместо стеклянных перегородок и гудящих принтеров – вековые стены, помнящие не одно поколение, и тишина, такая густая, что в ней можно было утонуть.

Я пошла дальше, теперь еще медленнее, давая мыслям течь свободно, не цепляя их, не направляя. Забавно, но я ни разу не пожалела о том мире. Ни разу. Даже по кофе не скучала – здешние травяные настои с медом и мятой оказались куда вкуснее, живее, что ли. И по работе этой бесконечной, выматывающей, бессмысленной – тоже. Здесь у меня было время. Время думать, дышать, просто быть собой, не надевая масок. Никто не требовал отчетов, не звонил в неурочный час с идиотскими вопросами, не дергал по пустякам, не устраивал разносов за чужие ошибки.

Правда, и одиночество здесь было таким же, как там. Только там, в бетонных джунглях, среди миллионов таких же одиноких людей, оно ощущалось пустотой – звенящей, холодной пустотой, которую пытаешься заполнить работой, сериалами, бесполезными встречами. А здесь – тишиной. Тонкая, едва уловимая разница, но я ее чувствовала каждой клеточкой. Тишина не давила. Тишина слушала. Тишина позво-

ляла думать.

Я вспомнила свою земную квартиру – двадцать третий этаж, панорамные окна, из которых открывался вид на бесконечные серые многоэтажки, уходящие в дымку горизонта. Уютную? Когда-то я так думала. Вылизанную до стерильности, с идеальным порядком на полках, с диваном, на котором никто никогда не сидел, кроме меня, с кухней, где я готовила ужин только для себя и ела его в тишине, под бормотание телевизора. Ни одной живой души за стеной – только глухой шум лифта и редкие шаги в коридоре. Здесь, в этом доме, было то же самое. Красиво, богато, просторно, до звона в ушах пусто. Та же вакуумная тишина, те же одинокие вечера, та же огромная кровать, в которой я просыпалась по утрам, инстинктивно протягивая руку на вторую половину – и находя только прохладную гладь простыней.

Интересно, это судьба такая – везде, в любом мире, в любом теле оставаться одной? Или я сама выбирала эту пустоту, просто не замечала за бесконечной гонкой, за работой, за усталостью? Может быть, я возводила стены так долго и так старательно, что потом уже не смогла их разобрать, даже когда захотела? Мысль кольнула где-то под ребрами, острая и неприятная, как заноза, которую никак не вытащить.

На втором этаже я свернула в длинный коридор, где располагались гостевые комнаты. Здесь пахло иначе – не воском и травами, как внизу, а деревом, старым текстилем и легкой затхлостью помещений, которые редко проветривают. Окна

выходили в сад, и солнце уже всюду заливало широкие дубовые половицы теплым, медовым светом, играло бликами на потертом паркете, высвечивало пылинки, танцующие в воздухе. Я толкнула первую дверь – комнату, которую всегда готовили для Маркуса, – и остановилась на пороге, впуская в себя этот свет, этот запах, это ощущение приближающейся жизни.

А ведь два года назад я не знала даже, кто такой Маркус. Это имя ни о чем мне не говорило, не вызывало никаких чувств. Чужие воспоминания – странная, почти мистическая штука. Они есть, они лежат в голове аккуратными стопками, как старые фотографии в альбоме. Ты можешь открыть их, рассмотреть, даже потрогать пальцами. Но они не твои. За ними нет твоей боли, твоей радости, твоего детского смеха. Я помнила, как Эльза играла с Маркусом в саду, как они, маленькие, строили шалаши из старых одеял, как ссорились из-за игрушек, а потом мирились и вместе ели краденое из буфета печенье. Но это было не мое. Это была чужая жизнь, которую я носила в себе, как чужое платье – вроде бы по размеру, но все равно не твое.

А завтра он придет – этот чужой родственник, ставший за два года моим единственным, самым родным. Единственной ниточкой к чему-то настоящему, к чему-то похожему на семью. Странно, да? Через память Эльзы я полюбила его, как брата. Через его редкие письма, через его заботу, через то, как он всегда, даже в самых коротких записках, спрашивал,

не нужно ли мне чего, не больна ли я, не грустно ли мне одной в этом огромном доме.

И я ему рада. По-настоящему рада, до щемящего тепла в груди, до желания проверить каждую мелочь, каждую складку на постельном белье, каждую чашку в буфете.

Я улыбнулась своим мыслям – глупая, сентиментальная улыбка вышла – и шагнула в комнату. Проверила, чисто ли в окнах – на стеклах ни пылинки, Крамп не подведет, – отдернула тяжелые шторы из темно-зеленого бархата, впуская свет еще шире, поправила покрывало на кровати, разгладила несуществующие складки. Подошла к столику у окна, провела пальцем по столешнице – ни пылинки. Приоткрыла створку, впуская свежий воздух, и на мгновение зажмурилась от удовольствия: пахло травой, землей, приближающимся летом. Мелочи. Простые, обычные мелочи, которые заполняли время, не давали думать о плохом, не давали проваливаться в ту вязкую, липкую грусть, что накрыла меня утром в саду.

Странно все-таки устроена жизнь – или то, что ее заменяет. Два года назад я умерла в одной реальности и родилась в другой. И ни разу не оглянулась. Ни разу не захотела вернуться обратно, в тот серый мир, в ту квартиру-коробку, в ту пустоту, которую называла своей жизнью. Может быть, это и есть счастье? То самое, неуловимое, о котором пишут в книгах и слагают баллады? Когда прошлое не держит, не тянет назад щупальцами сожалений, а настоящее – принимает таким, как есть, со всем твоим грузом, со всеми твоими шра-

мами? Когда ты просыпаешься утром и понимаешь, что ты именно там, где должна быть?

Я вышла из комнаты и направилась дальше по коридору, к детской. Нужно было проверить, все ли там готово к приезду малышей. Где стоят кровати, достаточно ли мягкие перинки, не завалилось ли в углах чего опасного. Я толкнула дверь и вошла в просторную, залитую солнцем комнату, где меня ждали две маленькие кровати под полотняными чехлами, старый деревянный конь-качалка с облупившейся краской и смешной мордой, игрушечный шкафчик с пустыми полками и запах сухой древесины, нагретой солнцем.

Я представила, как завтра здесь будет шумно. Как эти кровати застелют свежим бельем с вышитыми метками, как на полках появятся игрушки, как на коня усядется кто-то из малышей и будет радостно визжать, раскачиваясь взад-вперед. Сердце сжалось от странной, сладкой боли.

Работы много, а время до завтра пролетит незаметно. И пусть. Пусть летит. Лишь бы не останавливалось. Лишь бы завтра наступило скорее и принесло с собой шум, смех, жизнь. А там – будь что будет.

Глава 3

После завтрака дом зажил своей особенной, почти забытой суетливой жизнью. Я всегда любила это состояние – когда тишина, тяжелая и плотная, как старое одеяло, наконец отступает перед делом, когда слуги снуют по коридорам с охапками свежевыглаженного белья, пахнущего крахмалом и летом, а на кухне начинают греметь кастрюлями и посудой задолго до обеда, и этот шум разносится по всему дому, проникает в самые дальние углы, будит их от многолетней спячки.

Сначала я спустилась в кухню. Туда, где всегда жарко, даже в прохладное утро, где пахнет луком, специями и дрожжевым тестом, где огромная печь занимает полстены и урчит, как сытый зверь. Старая Марта, королева плиты и моя главная советчица во всех вопросах, касающихся еды и жизни вообще, встретила меня хмурым взглядом из-под седых кустистых бровей, но я знала эту хмурость: она уже вовсю обсуждала с помощницами праздничное меню, и мое появление только отрывало ее от важного дела.

– Ваша светлость, – Марта вытерла руки о фартук, щедро присыпанный мукой, и уперла крепкие, еще сильные кулаки в бока. От этого жеста веяло такой уверенностью, что я сразу поняла: здесь я гость, а хозяйка – она. – Детей чем кормить прикажете? Господа взрослые потерпят, что дадим,

а малышне нужно особенное. Нежное, но сытное. И сладкое, но в меру, чтоб животы не болели.

Мы полчаса перебирали варианты. Я стояла у большого дубового стола, иссеченного ножами за долгие годы, и мучительно вспоминала, что любила в детстве. Но мои воспоминания были земными, чужими для этого мира – манная каша с комочками, школьные завтраки, мамины блинчики по воскресеньям. Здешним детям нужно было другое. Тогда Марта махнула рукой – широкой ладонью с натруженными пальцами – и сказала, что сделает все сама, как для родных. «У меня их трое было, ваша светлость, и внуков пятеро. Небось не отравлю». Я доверилась ей и ушла с чистой совестью, зная, что еда будет не просто вкусной – она будет правильной, домашней, с любовью.

Потом была детская. Я поднималась по лестнице и чувствовала, как сердце бьется быстрее – от предвкушения, от странного волнения. Комната, где никто не жил уже много лет – при Эльзе детей не было, а при мне и давно. Я толкнула дверь и вошла в большое, залитое солнцем пространство, где каждая пылинка танцевала в лучах, где пахло застоявшимся воздухом и сухим деревом. Я распахнула окна – створки жалобно скрипнули, не привыкшие к движению, – впуская весенний воздух с запахом сырой земли и набухающих почек, и долго стояла посреди пустой комнаты, закрыв глаза, представляя, как завтра здесь будет шумно. Кроватки – их было две, с высокими решетками для младших, и од-

на побольше, для старшего мальчика, с деревянными столбиками по углам – стояли застеленные тяжелыми, зимними покрывалами темно-бордового бархата. Я поморщилась. Это для стариков, не для детей. Я велела принести легкие, весенние – светлые, с вышивкой, – и цветов побольше. Элинор любила цветы. Я помнила это из памяти Эльзы: как она, еще невестой, приезжала в этот дом и бродила по саду, срезая все, что попадалось под руку, а потом расставляла букеты по всему дому, наполняя его жизнью.

В кладовой на третьем этаже, куда я забралась сама, не доверяя слугам, стоял запах нафталина и времени. Сундуки, коробки, старая мебель под чехлами. Я отыскиала игрушки – деревянных лошадок с облупившейся краской и настоящими гривами из конского волоса, кукол в пыльных, выцветших платьях из парчи и шелка, книжки с картинками – потрепанные, с пожелтевшими страницами, но такие живые, такие настоящие. Наверное, это осталось от самого Маркуса, когда он был маленьким и гостил здесь каждое лето. Я аккуратно, почти благоговейно, протерла каждую вещь мягкой тряпкой, вдыхая запах детства – чужого, но от этого не менее трогательного – и расставила на полках в детской. Пусть дети играют, если захотят. Пусть трогают, ломают, теряют – лишь бы смеялись.

После обеда, который я проглотила на ходу, стоя у окна в малой гостиной и глядя, как садовник возится в саду, я вышла на улицу. Но уже не грустить, не прятаться от мыслей,

а смотреть, какие цветы можно срезать для букетов. Садовник, старый ворчливый Томас с вечно красным носом и руками в земле, ходил за мной по пятам и ворчал, что рано еще, что погублю все, что нарциссы только-только раскрылись, а яблоню жалко. Я не слушала. Я выбирала ветки, прикладывала их одна к другой, составляла букеты прямо в саду, на траве. Нарциссы – ярко-желтые, пахнущие медом и чуть-чуть сыростью. Несколько веток яблони с тугими розоватыми бутонами, которые вот-вот лопнут и выпустят белое кружево. Чуть позже, у дальней стены, где солнце грело сильнее, я нашла сирень – она уже набирала цвет, тяжелые кисти еще зеленые, но кое-где уже виднелись лиловые глазки. Мы набрали огромные, необъятные охапки – я, Томас и подоспевшая на подмогу молоденькая горничная, – и я сама, не доверяя никому, носила их в дом, расставляла по вазам. В гостевых комнатах – нежные, светлые букеты. В столовой – пышные, торжественные. В гостиной – скромные, но душистые. Дом наполнялся цветами, как наполняется дыханием человек, который долго был без воздуха.

К вечеру я выдохлась так, что ноги гудели и отказывались идти, спина ныла от бесконечных наклонов, а руки пахли зеленью и землей, несмотря на то, что я мыла их уже раз пять. Краем глаза я замечала, как слуги переглядываются – графиня, которая всегда была спокойна, отстраненна, почти надменна, вдруг носится по дому как угорелая, лезет во все дела, командует, суетится. Но мне было все равно. Хорошая уста-

лость, правильная. Та, после которой спишь без снов, проваливаешься в темноту и не видишь ничего до самого утра.

Ужинала я одна, как обычно. Столовая в вечернем свете казалась еще огромнее, чем днем, — длинный стол, за которым могли уместиться тридцать человек, а сидела только я, на самом краю. Тяжелые серебряные подсвечники с высокими белыми свечами горели ровно, но уюта не прибавляли — только отбрасывали длинные, дрожащие тени на стены, на gobelены, на мое бледное лицо в темном окне. Я быстро проглотила суп — какой-то, даже не почувствовав вкуса, — и кусок мяса, который жевала механически, думая о своем. Мысли были уже не здесь, не за этим столом. Они были в завтрашнем дне, в стуке копыт на подъездной аллее, в детских голосах, которые разбудят этот дом.

После ужина я поднялась к себе, в свою спальню, где уже горел камин и пахло сухими травами. Переоделась в домашнее платье — свободное, легкое, из мягкой шерсти — распустила волосы, и они тяжелыми темными волнами упали на плечи, закрыв спину почти до пояса. Долго сидела перед зеркалом, глядя на отражение при неровном свете свечей. Темные глаза, в которых за два года появилось что-то новое. Раньше в них была только усталость — тупая, привычная усталость от бесконечного рабочего дня, от вечной гонки. Потом, когда я стала Эльзой, в них появилась растерянность, страх, а следом — тишина. А теперь? Спокойствие? Мудрость? Или просто усталость — но уже другая, не от бе-

готни, а от одиночества? Я всматривалась в свое лицо – чужое и одновременно родное, которое успело стать моим, – и не находила ответа.

Я подняла руку, коснулась пальцами холодного стекла, обводя контур своего отражения. Завтра все изменится. Завтра этот дом оживет. А послезавтра? А через неделю? Я отогнала мысль, не дала ей оформиться. Не сейчас. Сейчас не время думать о том, что будет потом. Сейчас нужно просто дожить до завтра, дожидаться, встретить, улыбнуться.

Я взяла с прикроватного столика книгу. Корешок был чуть потрепан – значит, читали уже не раз, – а на обложке, несмотря на строгий запрет библиотекаря, красовалась яркая картинка: прекрасная леди в развевающемся платье бежала куда-то навстречу закату, а за ней, на лихом коне, скакал отважный рыцарь в сверкающих доспехах. Любовный роман. Один из тех, что тайком привозили из столицы, прятали под подушки и читали ночами, заливаясь краской стыда и удовольствия. Глупая история про страсть, ревность, невероятные совпадения и обязательный счастливый конец. Раньше, в моей прошлой жизни, я бы фыркнула, закатила глаза и отложила такую книгу, даже не открыв. Слишком наивно, слишком далеко от реальности, где мужчины не скачут на конях, а сидят в офисах за мониторами, а любовь чаще всего заканчивается не поцелуем под луной, а взаимными упреками и дележкой имущества.

Но здесь, в этом мире, эти книги стали моим тайным удо-

вольствием. Стыдным, как шоколад, который ешь тайком на ночь, но оттого еще более сладким.

Я забралась в постель с ногами, подоткнула тяжелое пуховое одеяло со всех сторон, создавая уютный кокон, зажгла свечу на тумбочке – тонкую, восковую, с ровным спокойным пламенем – и открыла книгу на заложенной странице. Тишина в спальне стояла такая плотная, такая глубокая, что было слышно, как потрескивает фитиль, как где-то далеко, в стене, скребется мышь, как ветер за окном чуть шевелит тяжелые шторы, и они издают едва уловимый шелест. За окном темнело, небо из сиреневого становилось глубоким, чернильно-синим, и первые звезды уже проклевывались в вышине, холодные и далекие.

Я читала. Читала про то, как героиня, прекрасная леди Изольда, ждала своего возлюбленного в замковой башне, как сердце ее билось быстрее при одном его имени, как она вглядывалась в туманную даль, надеясь увидеть там знакомый силуэт. Слова лились плавно, сладко, обволакивали, как теплый мед. Я почти физически чувствовала этот ветер с ее лица, эту щемящую тоску в груди, эту надежду, которая не умирала, несмотря ни на что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.